

# Роман с динамитом

Вышла книга Алины Витухновской «Роман с фенамином». М., 1999, издание Елены Пахомовой

Я не знаю другого человека, кто так яростно бежал бы от своего таланта, как это делает Алина Витухновская. Но в этой неравной гонке побеждает всегда талант.

«Искусство полностью исчерпано. Но еще более исчерпана жизнь. И, исходя из эстетических соображений, первое предпочтительнее второго». Кто же не провозглашал до нее исчерпанность искусства и жизни, разве что ленивый. Взять хотя бы футуристов или ничевоков, не говоря уже об обэриутах. «Только бессмысленные действия имеют значение», — говорил Хармс.

Витухновская довольно часто цитирует футуристов, явно не подозревая об этом. «Главная задача — убить солнце», — пишет она в своем дневнике. Читайте пьесу Крученых «Победа над солнцем». Там это расписано во всех подробностях.

И все-таки интересно получается. Утопист Кампанелла, сидя в тюрьме, пишет свою тоталитарную утопию «Город солнца». Витухновская в постсоветской тюрьме пишет антиутопию, где убийство солнца — одна из важнейших целей.

Однако что же тут удивительного? Кампанелла только мечтал о городе солнца, а Витухновской пришлось в нем жить. «Чикатило — единственный Христос, которого мы заслуживаем». Это даже и не лозунг, простая констатация факта. Здесь вся беда в правильности суждений. Когда пришел Христос две тысячи лет назад, мир не был лучше. Он пришел не к Соократу и Платону, а к Ироду и Нерону.

«Если по капле выдавливать из человека раба, то ничего не останется». Всякий, кто станет возражать, сразу будет выглядеть рабом или идиотом. Хотя на самом деле эта полемика с Антон Палычем слишком романтична. В том-то вся и сложность, что рабом человек искренне быть не может. Раб всегда лукавый. Если раб и выглядит рабом, значит, ловко прикидывается. Он и господином не может быть. Есть очень мудрая притча Гегеля о том, как господин становится рабом своего раба. Чем больше он нуждается в рабстве, тем больше раб.

В том-то и прелесть этой книги, что здесь с каждым словом можно вступать в диалог. На самом деле это авторский монолог, не допускающий других мнений, но монолог очень хитрый. Витухновская умело вписала в свою игру всех своих критиков, включив в состав книги многочисленные вырезки из газет. Она заставила играть по своим правилам и Машу Гессен, и Рютина, и Данилу Данилова. Те ведь и вправду поверили, что имеют дело с неким человеком без свойств. «Ее вообще невозможно представить», — пишет Гессен в «Матадоре». Какой же это елей для Алины, написавшей: «...в погоне за естественностью я лишилась всяческих свойств». Наивный Данила Данилов в полном соответствии с прописями постмодернизма уже решил, что Витухновская сама по себе уже есть не что иное, как живое дитя от брака Дерриды с Фуко. А лукавая Алина совсем не случайно воспользовалась этой наивностью и поставила статью Данилова в конце книги. Мол, смотрите, какие все дураки. Так ведь читатель и должен быть дураком рядом с автором. Автор — он гений, а если не ге-

ний, то зачем пишет. А читатель, даже гениальный, должен уметь быть обманутым. Весь вопрос, талантливо или бездарно его обманули. Витухновская обманывает весело и талантливо. И, стало быть, никаких претензий. «Жертвы требуют искусства», как пишет ее друг Сэнди.

Немецкие слависты, увенчавшие Алину Пушкинской премией Тепфера, искренне верят, что она ученица и последовательница Сорокина. Вполне простительная ошибка для иностранцев. Ведь они не в состоянии понять и почувствовать всю глубину ее трагической прозы. Трагедия и постмодерн две вещи несовместные, а Витухновская действительно трагична. Она не после Мамлева и не после Сорокина, а, скорее, после Кафки, предпоследнего трагика XX века. Трагедия — это когда нигде и ни в чем нет выхода. Замурованы все окна и двери. Идеальное определение пространства трагедии у Гамлета: «Весь мир — тюрьма».

В постсоветской тюрьме Витухновская увидела мир таким, каким он ей виделся с детства в самой себе. Единственное, что ее обидело, — это плагиат. Все участники, предложенные Богом и миром, оказались намного проще и примитивнее, чем ежедневная пытка себя собой. Ее манифест «Текст через пытку» круче самых крутых футуристов и экзистенциальнее самых экзистенциальных экзистенциалистов. Умрите Сартр и Камю. «Пытка бытия мной, которая не ждет конца и не ищет оправданий. Только одно во мне гениально — деланье через пытку. Но если вы не знаете мою пытку, я умоляю вас не оценивать мое Нечто, ведь в беспыточном всякое Нечто возникает с такой легкостью». Обрываю цитату, поскольку здесь каждое слово пытка, а я не палач, а читатель, чувствующий, что здесь не слова, а боль. Здесь по Маяковскому: «Слова говорят о том, что болят», а боль — это всегда серьезно и убедительно.

А теперь о главном, о боге, именно так, с маленькой буквы, как предпочитает писать Алина: «Действующий бог ничтожен. Желаящий абсурден. Бог нуждающийся уже не бог. Если бы я была богом, я бы ничего не создала». Очень близко к буддизму, но не буддизм. Дело в том, что все творчество и вся жизнь Витухновской — это, по крайней мере в замысле, проект уничтожения всего, что создано так бездарно. Вот описание некоего тюремного сна, который на самом деле не столько сон, сколько воспоминание о своем изначальном былом могуществе: «Мы придумали грандиозное... (далее сложное описание проекта, которое я не запомнила). Но оказалось, что весь мир, буквально весь, был препятствием к реализации проекта». Алина хочет совсем немногого — устранить «досадное препятствие».

В жизни у нее, конечно, ничего не получится. А вот в искусстве уже получилось всё. Ее поэзия и проза — постоянное, глобальное уничтожение всего созданного, чем, по сути дела, и должен заниматься художник. Строить из чужого конструктора излюбленное занятие постмодернистов. Витухновская — смерть постмодернизма, а ее последняя книга — смертный приговор для всех ныне популярных ликующих пересмешников.